

А. Плетерский

СТАНОВЛЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ВОСТОЧНЫХ АЛЬПАХ*

1. Введение

При рассмотрении проблемы становления славянской государственности исходить следует из того, что мы вкладываем в понятия государственности и государства. Это подразумевает обращение к современным политическим теориям, базирующимся, в основном, на современных условиях, а из числа обстоятельств прошлого учитывающих только то, что хорошо документировано в письменных источниках. Результатом подобного подхода стало появление карикатурной картины будто бы свойственной ранним славянам анархии, из-за чего их первые государства сплошь и рядом основывали чужаки (например, Само, варяги, авары, болгары). Значит ли это, что ранние славяне сами не были способны к построению государства? — Подобный вопрос обусловлен картиной раннеславянского общества, созданной восприятием внешних наблюдателей, которые в прошлом смотрели на ранних славян со стороны, а в последующие времена еще и вне контекста эпохи. Современные специалисты в области культурной антропологии хорошо осведомлены о том, насколько важной является информация, полученная при внутреннем «включенном наблюдении». Такой подход позволяет оценить рассматриваемую изнутри культуру в соответствии с нормами и критериями, которые характерны именно для нее¹. Этот принцип важен также в археологии: как показал Л. С. Клейн, именно умение обнаруживать такие внутренние критерии и правильно пользоваться ими

* Перевод со словенского языка Д. Е. Алимова, выполнен при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (МК–5950.2012.6 «Потустарые образования в славянском мире в VII–X вв.: эволюция структур власти и этносоциальные процессы»)

¹ См.: *Vinšćak T.* Tibetski buddhizam i bön. Zagreb, 2011. S. VII; *Šantek G. P.* Anthropos religiosus. Antropološko-religijski ogleđi. Zagreb, 2011. S. 66.

определяет степень успешности типологии, а следовательно интерпретации и понимания². И этот принцип, безусловно, можно распространить на исследование прошлого в целом. Ниже будет продемонстрировано, что если попытаться приблизиться к тому, как ранние славяне воспринимали сами себя, то полученная таким образом картина их социального развития будет существенно отличаться от вышеприведенной. Люди в прошлом развивали ту или иную форму политической организации не для того, чтобы удовлетворить каким-либо критериям классификации, существующим в работах современных политологов, а для того, чтобы обеспечить себе выживание.

2. Интерпретационная модель и ее использование

Авторы эпохи высокого Средневековья говорили о славянах как о людях преимущественно одинакового языка (*lingua*), закона (*lex*), обычаев (*consuetudines*). При этом они отмечали, что со времени введения христианства и в соответствии с его делением на католическую и православную конфессии, славяне стали неодинаковы по своему вероисповеданию (*ritus*)³. Однако, сейчас мы знаем, что элементы дохристианских славянских верований сохранились на уровне народной культуры, причем в такой степени, что делают возможной довольно достоверную реконструкцию общей древнеславянской религиозной традиции⁴. Поэтому можно сказать, что и в духовном плане различий между славянами было существенно меньше, чем могло показаться с сугубо формальной точки зрения. Убежденность средневековых авторов, что знание отдельной части славян означает знание всех славян, хорошо иллюстрирует известный пассаж из второй главы «Паннонского жития св. Мефодия». По мнению автора Жития, тот факт, что Мефодий занимал одно время должность «архонта» славян, проживавших близ Фессалоники, словно предопределило его позднейшую деятельность среди славян, проживавших за 1000 км от Македонии, в Моравии и Паннонии⁵.

Все это, однако, не означает, что ранние славяне являли собой некую целостность в качестве единого, слаженно функционировавшего, организма. Кажется даже, что имеющаяся в нашем распоряжении терминология не способна адекватно описать раннеславянское общество. Так, недавно Флорин Курта убедительно продемонстрировал слабости и недостатки термина «военная демократия»⁶. Хотя термин «сегментированная линиджная система», для которой характерно отсутствие иерархии при наличии сложной социальной организации в целом, кажется более уместным, Ф. Курта указывает на появление в славянском обществе «королей»,

² См., например: *Klejn L. S. Arheološka tipologija*. Ljubljana, 1988. S. 490–528.

³ См.: *Štih P. Slovansko, alpskoslovansko ali slovensko? O jeziku slovanskih prebivalcev prostora med Donavo in Jadranom v srednjem veku (pogled zgodovinarja)* // *ZČ*. 2011. Letnik 65. S. 8–51 (синтетическая часть: С. 37–41).

⁴ См.: *Toporov V. N. Predzgodovina književnosti pri Slovanih, poskus rekonstrukcije*. Ljubljana, 2002; *Katičić R. 1) Božanski boj. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine*. Zagreb; Mošćenička Draga, 2008; 2) *Zeleni lug. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine*. Zagreb; Mošćenička Draga, 2010; 3) *Gazdarica na vratima. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine*. Zagreb; Mošćenička Draga, 2011.

⁵ «...Цесарь, [узнав] о быстроте (ума) его, дал ему править славянским княжеством, скажу я, как будто предвидел, что пошлет его к славянам как учителя и первого архиепископа, чтобы научился всем славянским обычаям и понемногу к ним привык» (Житие Мефодия / Пер. Б. Н. Флори // Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2004. С. 185) — *примеч. переводчика*.

⁶ *Curta F. The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. Cambridge, 2001. P. 312–319.

которых упоминают византийские авторы, и предполагает в связи с этим развитие славянского общества в контакте с империей⁷. В появлении «королей» исследователь усматривает свидетельство возникновения вождеств как регионально организованных обществ с централизованной исполнительной иерархией, которая координирует деятельность между отдельными деревенскими общинами⁸. Речь идет о культурно-антропологической классификации, которая во многом выросла из результатов исследований обществ Меланезии. Хотя вполне возможно, что социальное развитие в Меланезии привело к появлению форм, похожих на раннеславянские, нельзя исключать того, что речь могла идти о социальной омонимии, а не о синонимии. Данное замечание, разумеется, не отрицает очевидного наличия у славян неких «вождей». Однако, само по себе это наличие еще не объясняет функционирования у ранних славян социальных механизмов.

2.1. Реконструкция модели власти

Общеславянская лексика, отражающая существование политически дифференцированного социума, весьма скромна. Слово «господин» (*gospod*) — в первоначальном значении «владыка гостей» или «владыка пиров» — имеет сильный сакральный смысл⁹ и поэтому его использование в «светском» обществе остается неясным. Слово «власть» (*oblast*) (в значении «владение, над которым осуществляется власть») является общеславянским и показывает большую семантическую стабильность¹⁰. Существует также праславянское слово **vojevoda* с первоначальным смыслом: «тот, кто ведет войско»¹¹. Однако, уже славянское слово для обозначения князя — **кѣнѣньгъ* — заимствовано из германского **kuningaz* «король, вождь племени»¹². Таким образом, праславянская политическая иерархия заканчивалась уровнем жупана. Славянское слово **županъ* произведено от слова **župa* в значении «округ», «территория одного племени». Слово могло образоваться от индоевропейского слова **gewpā* (впадина)¹³. Жупой, таким образом, именовалась стоявшая над отдельными деревнями, относительно небольшая территориальная единица, возглавлявшаяся жупаном. Вероятно, он и был ее «господином», «воеводой» и имел в ней «власть» (*oblast*).

Для того, чтобы понять функции и действия этой власти, мы должны обратиться к другой категории источников — к фольклору. Историки, имеющие дело с письменными памятниками, нередко пренебрегают фольклорными источниками, так как речь здесь идет об устной традиции. И, действительно, устная традиция как источник для познания истории имеет ряд существенных недостатков¹⁴. Однако, если знать об этих недостатках и избегать их, то в результате все же можно получить очень ценную информацию, потому что фольклор, так же как и язык, сохраняет немало

⁷ Ibid. P. 319–325

⁸ Ibid. P. 325–332.

⁹ Škrubej K. Ritus gentis Slovanov v vzhodnih Alpah. Model rekonstrukcije pravnih razmerij na podlagi najstarejšega jezikovnega gradiva. Ljubljana, 2002. S. 144–148.

¹⁰ Ibid. S. 126–130.

¹¹ Snaj M. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997. S. 725.

¹² Ibid. S. 241.

¹³ Ibid. S. 767.

¹⁴ См., например: Vansina J. Oral tradition as history. London; Nairobi, 1985.

воспоминаний о более или менее отдаленном прошлом. Так, для темы настоящей статьи исключительную важность представляет фундаментальное исследование В. Я. Проппа об исторических корнях волшебной сказки¹⁵. В нем он показал связь ритуалов и обычаев древнего происхождения с сюжетами русских народных сказок. Последние, таким образом, выступают в данном случае как образцы волшебных сказок, к тому же хорошо отражающие мировоззрение славян. Структурные соответствия, выявленные В. Я. Проппом, в основном, отражают условия жизни в обществах, зависящих от сил природы, в которых главным орудием овладения природной средой является магия. В таких же условиях функционировала и власть.

Так, в сказке нашла отражение ситуация, когда старого правителя убивал молодой. Причиной тому было то, что правитель выступал как наделенное целительной силой лицо, от которого зависела плодородность полей и стад. К старости он утрачивал свою магическую силу. Иногда это связывалось с утратой сексуальной потенции. Старый правитель уже не был способен управлять природой, которая вследствие этого уже не давала людям достаточно пропитания. Поэтому правителя сменяли по истечении определенного периода, а возможно даже и раньше, если тот заболел. Наследник должен был доказать свои способности, чему, вероятно, соответствовали в сказках испытания, связанные с женщинами. Наличие взрослой дочери и прибытие к ней жениха представляли собой смертельную угрозу для старого правителя. Безболезненным исходом могла бы, естественно, быть передача престола от отца к сыну, однако, такая возможность появляется лишь позднее. В сказке герой почти всегда приходит из чужих земель и завладевает не своим королевством¹⁶. В связи с этим кажется, что влияющими на урожайность считались сексуальные отношения человека и божества¹⁷. В этом контексте становится ясным генезис позднейшего пресловутого права первой ночи (*ius primae noctis*). Первоначально речь никоим образом не шла о беспардонном удовлетворении сексуальных желаний правителя. Здесь имелось в виду обрядовое действие, которое каждую женщину сообщества наделяло плодородием и способностью к деторождению. Само собой разумеется, что такое сообщество не могло быть велико.

2.2. Жупа

Базовыми политическими единицами славянского мира можно считать жупы. Их место в славянском мире было подобным тому, какое занимали у греков *polis*, у римлян *civitas*, у германцев *gau*, у кельтов *oppidum*. В рамках жупы люди реализовывали свою правовую идентичность, то есть то, что сейчас бы мы назвали гражданством¹⁸. О главах жуп — жупанах письменные источники сообщают лишь начиная с 777 г., когда жупы уже стали интегрироваться в феодальную систему. После этого смысл, вкладываемый в слово «жупа», стал существенно отличаться в разных землях и в разное время¹⁹.

¹⁵ Propp V. J. *Historijski korijeni bajke*. Sarajevo, 1990 (перевод книги: Пропп В. Я. *Исторические корни волшебной сказки*. Л., 1986).

¹⁶ Propp V. J. *Historijski korijeni bajke*. S. 502–512.

¹⁷ Ibid. S. 392.

¹⁸ Плетерский А. О «The Making of the Slavs» изнутри // SSBP. 2008. № 2(4). С. 33–36. Прежнее мнение, согласно которому славяне заимствовали институт жупы у аваров, ныне опровергнуто. См.: Smiljanić F. *Studije o srednjovjekovnim slavenskim / hrvatskim institucijama*. Zadar, 2010. S. 14.

¹⁹ Hardt M. Supan // *Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte*. Bd. V. Berlin, 1998. S. 84–88; Smiljanić F. *Studije o srednjovjekovnim slavenskim / hrvatskim institucijama*. S. 13–72.

Жупы были единообразно структурированы, в них существовали одни и те же язык, право, обычаи и ритуалы, что было предпосылкой для возникновения того самого представления о единстве, которое складывалось у всех авторов, описывавших ранних славян. Однако, несмотря на производимое впечатление, славяне никогда не являли собой однородной единой массы, а представляли собой совокупность идентичных элементов. Вследствие этого было бы ошибочно говорить о них и как о сегментированном обществе, так как оно предполагает первоначальное единство, которое затем распалось на отдельные части. Возможно, было бы уместно, используя математический термин, говорить о фрактальном обществе. Подобное определение предполагает уподобление жуп фракталам не только потому, что жупы были одинаково структурированы, но и потому, что на уровне отдельной жупы можно наблюдать то же самое, что и на уровне объединения отдельных жуп в более крупные территориальные образования.

Соединение отдельных жуп в более крупные территориально-политические единицы происходило в различных частях Европы по-разному и с разной быстротой. Еще полвека назад Вольфганг Фритце на примере одного из племен полабских славян — ободритов, разработал на уровне парадигмы аналитическую модель подобного развития, не получившую, однако, в историографии должного отклика²⁰. Вместо слова «жупа» он использовал условный термин «малое племя» (*Kleinstamm*), а вместо слова «жупан» — понятие *regulus*, взятое из латинских источников. Как полагает В. Фритце, во время расселения славян в Полабье, включая и небольшой период времени после этого, «малые племена» еще не были объединены. Как явствует из более поздних источников, каждое племя имело свое собственное устройство в том, что касалось правовой сферы и сферы культа. Эти сферы были теснейшим образом связаны друг с другом, так как в рассматриваемое время суды происходили в культовых местах. «Племенная» земля выступала как культовый округ, а правовое устройство местной общности — как сакральный порядок. Ему был подчинен и появившийся позднее князь. Существовала, таким образом, неприкосновенность и «суверенность» права.

Письменные источники позволяют выделить в Полабье три стадии развития. До середины IX в. существовал союз «малых племен», во главе каждого из которых стоял свой *regulus*. В последующий период более крупные структуры (*Teilstämme*) под внешнеполитическим воздействием франков начинают объединяться в политические единицы с монархическим устройством. В середине XII в. наступает период, когда правящий род создает единое государство с помощью сети княжеских графов и их административных округов (*Burgbezirkverfassung*), в то время как прежние племенные объединения утрачивают свою политическую автономию²¹. Такую же картину развития поселенческих структур выявил и Франц Энгель. Осуществленный им анализ показал, что сперва существовали небольшие, территориально изолированные группы поселений и лишь на рубеже тысячелетий начинается госу-

²⁰ Fritze W. H. Probleme der abodritischen Stammes- und Reichsverfassung und ihrer Entwicklung vom Stammesstaat zum Herrschaftsstaat // Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder / Hrsg. von Herbert Ludat. Giessen, 1960. S. 141–219.

²¹ Fritze W. H. Probleme der abodritischen Stammes- und Reichsverfassung... S. 201–208.

дарственная колонизация широких пространств с центральными и пограничными градами²².

Наибольшее количество письменных источников о раннесредневековых жупанах происходит с территории Хорватии. Недавно их систематизировал и обобщил Франьо Смилянич. Старейшей формой развития данного института была та, при которой отдельные племена имели своих «старцев-жупанов», избираемых свободными крестьянами. Однако, уже в IX в. фиксируются жупаны, которые подчинены правителю и осуществляют различные функции: служат при княжеском дворе, возглавляют территориальную организацию, возможно, просто являются титулярными жупанами. Жупаны являются «первыми лицами народа» (*primates populi*), из их рядов правитель рекрутирует своих чиновников. Когда Хорватия становится королевством, жупаны превращаются в королевских чиновников (*primates regni*), вливаясь в ряды королевских племичей. Жупы становятся опорой королевской власти на местах, хотя жупаны избирались королем из рядов местной знати. Знатные жупаны (*nobili iurpani*) выполняли обязанности, которые были необходимы для осуществления королевской власти. Служба жупана при этом не была наследственной, наследственным был сам титул. Жупаны имели свою вооруженную свиту из членов своего рода, собирали налоги и осуществляли суд. В конце XII в. начинается процесс превращения королевских жуп в феодальные вотчины²³. Таким образом, развитие, наблюдаемое в Хорватии, хорошо согласуется с ободритской моделью. Похожим образом обстояло дело и в других славянских землях. Лишь с введением христианства как универсалистской религии с мощной интегрирующей силой там сформировались крупные, более стабильные государства²⁴. Даже в конце XII в. основатель правящей династии средневековой Сербии Стефан Неманя носил простой титул великого жупана, как и его сын Стефан до того как в 1217 г. он был коронован²⁵.

Таким образом, письменные источники совершенно ясно показывают существование жуп и жупанов и их автономное положение в начальный период после расселения славян. Принимая во внимание фрактальный характер устройства, каждую жупу можно в действительности рассматривать как *pars pro toto* славянства в целом. Знание жизни жупы является необходимым условием для понимания жизни славян.

3. Восточные Альпы

3.1. Жупа Блед

До сих пор еще не удалось проследить генезис какой-либо раннесредневековой славянской жупы. Понятно, что скромные фрагменты сохранившихся письменных источников при этом мало могут помочь. Однако, для решения этой задачи в нашем

²² Engel F. Grenzwälder und slawische Burgwardbezirke in Nordmecklenburg // Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder / Hrsg. von Herbert Ludat. Giessen, 1960. S. 140

²³ См.: Smiljanić F. Studije o srednjovjekovnim slavenskim / hrvatskim institucijama. S. 15–33.

²⁴ Pleterski A. Die altslawische župa — der Staat vor dem Frühstaat // Kraje słowiańskie w wiekach średnich : profanum i sacrum / Red. Hanna Kóčka-Krenz, Władysław Łosiński. Poznań. S. 79–81.

²⁵ Dinić M. Krepitev in širjenje srbske fevdalne države. Utrditev fevdalnega reda in državne neodvisnosti // Zgodovina narodov Jugoslavije. Prva knjiga: Do začetka XVI. stoletja / Ur. B. Grafenauer, D. Perović, J. Šidak. Ljubljana, 1953. S. 316–322.

распоряжении есть другие источники и инструменты анализа. Их предлагает нам историческая география, учитывающая, в частности, информацию земельных кадастров, позволяющую выявить следы далекого прошлого. К этому следует добавить также ономастику, народную традицию и наиболее важные для данной темы археологические материалы. Все это позволяет проследить историю конкретного поселения²⁶. Стоящая перед нами задача несколько шире: проследить историю жупы как социальной единицы. Для того, чтобы это было возможно осуществить, необходимым условием является наличие на рассматриваемой территории некоторого континуитета в структурах управления, который бы был запечатлен в материалах кадастра. На каких славянских землях в раннее Средневековье можно было бы ожидать подобный континуитет?

Монгольское завоевание Восточной Европы в XIII в. так основательно изменило местные условия, что по сути положило начало совершенно новому историческому периоду. Ранее подобное произошло в Паннонии в связи с приходом венгров, а позднее огромные изменения в структуре поселений в Юго-Восточной Европе вызвала османская экспансия. Введение центрально-европейских административно-экономических моделей в землях западных славян в эпоху высокого Средневековья (прежде всего, в XIII в.) также основательно изменило распределение земель²⁷. Таким образом, в качестве наиболее перспективных с точки зрения наличия условий для континуитета поселенческой структуры следует рассматривать пространство северной Баварии, а также земли между Дунаем и северным побережьем Адриатики (Австрия, Словения, западная часть Хорватии). Относительно данных территорий представляется возможным говорить и о том, что их сходная судьба повлияла также на материальную культуру, которая и в раннее Средневековье, и позднее обнаруживает высокую степень родства²⁸. Важным стимулом для исследования является и тот факт, что именно с этой территории происходит первое конкретное упоминание о жупане вообще. В 777 г. «жупан, который зовется Фиссо» (*joran qui uocatur Physso*) подтверждает клятвой земельные границы близ Кремсмюнстера (Верхняя Австрия)²⁹.

Можно ожидать, что раннеславянская жупа территориально охватывала некий географический микрорегион, который территориально был достаточно хорошо отделен от соседних. Тем самым перед нами открываются возможности для осуществления

²⁶ См.: *Krawarik H.* Siedlungsgeschichte Österreichs: Siedlunganfänge, Siedlungstypen, Siedlungsgenese. Wien; Berlin, 2006. S. 61–70.

²⁷ См. об этом: *Hardt M.* Das «slawische Dorf» und seine kolonisationszeitliche Umformung nach schriftlichen und historisch-geographischen Quellen // Siedlungsforschung. Archäologie-Geschichte-Geographie. 1999. Bd. 17. S. 269–291.

²⁸ См.: *Giesler J.* Zur Archäologie des Ostalpenraumes von 8. bis 11. Jahrhundert // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1980. Bd. 10. S. 85–98; *Losert H.* *Moinvinidi, Radanzvinidi und Nabavinida.* Geschichte und Archäologie der Slawen in Bayern // Siedlungsstrukturen und Burgen im westslawischen Raum / Hrsg. von F. Biermann, Th. Kersting, und A. Klammt (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. Bd. 52). Langenweissbach, 2009. S. 219–294; *Pleterski A.* Sclavinia und Germania — Brezefibeln und Töpfe // Aspekte der Archäologie des Mittelalters und der Neuzeit : Festschrift für Walter Sage / Hrsg. von I. Ericsson und H. Losert (Bamberger Schriften zur Archäologie des Mittelalters und der Neuzeit. Bd. 1). Bonn, 2003. S. 363–372; *Štular B.* Mali grad: visokosrednjeveški grad v Kamniku. Ljubljana, 2009.

²⁹ Monumenta Boica. Vol. 28. Monachii, 1829. P. 198 (см. также: Грамота Тассило III Кремсмюнстерскому монастырю / Перевод и комментарий В. К. Ронина // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.) / Составители С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин; отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1995. С. 430. — примеч. переводчика).

микрорегионального исследования со всеми его преимуществами. В гуманитарных науках микрорегион — это то же самое, что лаборатория в науках естественных, это пространство, в рамках которого мы можем искать, строить, развивать и проверять гипотезы и теории. Ограниченное пространство позволяет рассмотреть наибольшее количество связей. И хотя речь идет об очень узком взгляде на историю, его преимущество заключается в его глубине. При этом все-таки можно следить и за общим историческим развитием, оставляющим следы на локальном уровне. Если таких следов нет, то его и нельзя считать общим.

Для такого исследования идеальным является так называемый Бледский угол в северо-западной Словении³⁰, то есть микрорегион, который в Восточных Альпах применительно к раннему Средневековью археологически лучше всего изучен. Вместе с тем, к нему относится и большое количество письменных источников, появляющихся начиная с XI в. Подробно изучен этот район и с точки зрения ономастики. В результате всего этого стал возможным анализ, базирующийся на информации, которую дают топонимика, устная традиция, письменные источники, археология, земельный кадастр. Вся информация относится к одному и тому же пространству и связана воедино одной аналитической осью. Эта ось запечатлена в земельном кадастре. Так как распределение земли зависит от отношений собственности, принятых в конкретном обществе, то эволюция распределения земли может многое рассказать о социальном развитии. Микроаналитическое исследование Бледского угла дало достаточно последовательную картину формирования и развития конкретной раннеславянской жупы, что явилось первым подробным анализом славянской жупы как таковой³¹.

Краткий обзор развития жупы Блед. В период поселения славян в Бледском углу в VII в. их было лишь несколько семей, то есть всего несколько десятков человек. Учитывая такое небольшое количество людей, вероятнее всего, что они находились в родственной (?) связи друг с другом еще до поселения, а не встретились впервые только в Бледском углу. Принимая во внимание рискованность такого предприятия как миграция, трудно поверить в то, чтобы у переселенцев не существовало хотя бы минимальной степени организации, включая наличие какого-то предводителя. Пришельцы восприняли от автохтонов обрабатываемые поля, некоторые пахотные орудия³², женщин³³, а также некоторые элементы бытовой культуры³⁴. Бледские славяне уже со времени своего поселения в этом районе использовали такой метод ведения хозяйства, когда выделялись угодья, а земля делилась на отдельно обрабатываемые участки. При таком способе обработки земли уже оформлялись семейные или личные права на саму обрабатываемую землю, а не только на ее плоды³⁵.

³⁰ Бледский угол (Blejski kot) — географическое пространство, расположенное между горными плато Поклюка (Pokljuka) и Межакля (Mežaklja) и реками Сава Бохинька и Сава Долинка до их слияния. — прим. переводчика.

³¹ Pleterski A. Nevidna srednjeveška Evropa: Župa Bled. Ljubljana, 2011: Электронное издание // http://iza.zrc-sazu.si/Si/Dela/Zupa_Bled.pdf (последнее посещение — 27.10.2012).

³² См.: Pleterski A. Sebenjski zaklad // AV. 1987. Vol. 38. S.257–281.

³³ См.: *Leben-Seljak P.* Etnogeneza Slovencev: rezultati antropoloških raziskav // Slovenija in sosednje dežele med antiko in karolinško dobo. Začetki slovenske etnogeneze / Ur. R. Bratož. Ljubljana, 2000. S. 549–558.

³⁴ См.: Pleterski A. 1) Kuhinjska kultura v zgodnjem srednjem veku. Ljubljana, 2008; 2) Zgodnjesrednjeveška naselbina na blejski Pristavi. Tafonomija, predmeti in čas. Ljubljana, 2010.

³⁵ См.: Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev. Zgodovina agrarnih panog. Zv. I. Ljubljana, 1970. S. 239.

Рост численности населения, разделение угодий, совместная эксплуатация пастбищ — все это в VIII в. потребовало регулирования отношений как между поселениями, так и внутри каждого из них. Это, вероятно, также повлияло на расслоение в рамках Бледского угла в целом, а также в рамках отдельных крупных деревень. Кажется, что уже созрели условия для социального сдвига. Поэтому не удивительно, что в это время именно там, где раньше всего встал вопрос об упорядочивании отношений, целое поселение переместилось с равнины на возвышенность — на место, именуемое ныне Бледским замком. Тем самым в пространственном плане было подчеркнуто его тройное значение — судебное, военное и религиозное. Мысль о религиозном значении является, правда, только рабочей гипотезой, которую в будущем следовало бы обосновать подробным анализом местного некрополя. В любом случае в тот период уже вполне оформилось ведущее положение этого поселения в рамках всего Бледского угла. Также можно говорить о том, что в рамках этого поселения, а тем самым и в рамках всего Бледского угла, решающее слово в рассматриваемое время уже имел один человек. Данная картина показывает, что Бледский угол являлся территориальной административной единицей. Родственную связь, существовавшую в период поселения здесь славян, заменила связь территориальная. Сказанное соответствует реконструируемой картине жупного устройства у ранних славян³⁶, вследствие чего мы можем говорить о Бледской жупе и ее жупане.

Личная собственность на земельные участки и иерархическая организация семьи в сочетании с необходимостью в более эффективном сельском хозяйстве, требовавшем коллективной обработки земли, обусловили в IX в. противоречивое решение, по которому собственником земли был лишь один из братьев, в то время как остальные могли на ней только работать и жить. Это оттеснило их вниз по социальной лестнице. Можно предположить, что хотя все они были лично свободны, из-за отличия по линии «собственник — не-собственник» между ними создалось сильное неравенство. Вплоть до недавнего времени братья и сестры хозяина на ферме были почти приравнены к обычным работникам³⁷. В первом поколении наличие тесных родственных связей еще смягчало неравенство, однако, в последующих поколениях этого смягчения уже не было, так как кровные связи все более ослабевали. Можно предположить, что браки заключались лишь в соответствии со статусом, что дополнительно углубляло социальную пропасть. Те, кто не являлись владельцами земли, за счет которой они жили, таким образом, в конечном итоге стали обыкновенными работниками без права управлять и принимать важные решения, правда, наделенными первое время определенной степенью личной свободы, которую они также постепенно утрачивали.

Описанные процессы обусловили появление слоя *дворников* — особой группы людей, которые возвысились благодаря своей экономической мощи, так как имели крупные земельные владения и зависимых людей. Мощь дворников могла бы ослабить центральную власть бледского жупана. Однако, он сам сумел эффективно использовать новые обстоятельства, так как ему было легче других утвердиться в своей деревне в качестве единственного владельца ее земли. Людей, которые

³⁶ См.: *Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev. Zgodovina agrarnih panog. Zv. II.* Ljubljana, 1980. S. 22–30.

³⁷ Ср.: *Kumer Z.* *Od Dolan do Šmohora.* Celje, 1981. S. 73–75.

на ней жили, он, таким образом, превратил в своих подданных. Именно на них он, вероятно, и рассчитывал больше всего при установлении своей власти. Благодаря количеству людей, которыми он располагал, он был более могущественным, чем отдельные бледские дворники, ведь еще прежде он сосредоточил в своих руках воинское предводительство и судебную власть в жупе. При этом кажется, что власть бледского жупана в рассматриваемую эпоху стала опираться еще и на новую силу — христианство. С распространением представления о том, что власть происходит от Бога, утрачивалась ответственность жупана перед всеми, кто стоял на социальной лестнице ниже него.

В IX в. появилось два новых кладбища в стороне от села, первое — на острове у церкви³⁸ на месте предполагаемого языческого святилища, второе — на юго-восточном подножье Бледского замка, также близ церкви. Таким образом, первая церковь — св. Марии — наследовала дохристианскому культовому месту и его заместила. Однако, захоронения у этой церкви осуществлялись сравнительно недолго. Здесь слишком мало погребений для того чтобы можно говорить об этом кладбище как о главном христианском некрополе Бледской жупы. Кажется, что главным местом захоронений стало пространство рядом со второй упомянутой церковью — св. Мартина.

Для постройки церкви были необходимы средства и санкция со стороны ответственной за это власти. Трудно себе представить, что бледский жупан не имел бы решающего слова при строительстве церкви св. Марии. Также кажется почти несомненным, что именно он дал построить и вторую церковь, так как она находится на краю земли подвластной ему деревни. О связи бледского жупана с распространением христианства, вероятно, говорит также некрополь Седло на Бледском замке, который принадлежал жупанскому двору. Владельцы обеих найденных там декоративных пряжек с изображениями двух святых и божественного агнца были мужчинами³⁹. Если бы они были чужаками, то они были бы похоронены на церковном кладбище, а не на древнем некрополе. Поэтому кажется более вероятным, что речь идет о местных жителях, членах свиты жупана, которые встречались с христианством и во время своих путешествий за пределами жупы. Поэтому нельзя исключать возможность того, что священниками в бледских церквях могли быть родственники жупана. Некрополь Седло, относящийся к пребыванию жупанов на Бледском замке, наследовал более раннему равнинному кладбищу Жале–Брдо. Это показывает, что жупаны жили первоначально внизу, на равнине, и лишь позднее переселились на Бледский замок. Оба захоронения по своим выдающимся находкам (оружие, престижные украшения)⁴⁰ отличаются от окружающих могил, что можно рассматривать как свидетельство того, что должность жупана находилась с момента возникновения жупы в руках одного рода.

Возникает вопрос, должны ли были бледские жители давать жупану какие-либо подношения. Если он действительно финансировал строительство церквей, то он

³⁸ Šribar V. Blejski otok — oris zgodovine. Bled, 1971. S. 11–21.

³⁹ *Leben-Seljak P.* Antropološka analiza poznoantičnih in srednjeveških grobišč Bleda in okolice. Ljubljana, 1996. S. 286–287.

⁴⁰ *Knific T.* Arheološki sledovi blejskih prebivalcev iz pozne antike in zgodnjega srednjega veka // Bled tisoč let. Blejski zbornik 2004 / Ur. J. Dežman. Radovljica, 2004. S. 102–108.

должен был иметь довольно большие доходы, каковые от скромного поля, находившегося в его распоряжении, были слишком малы. По крайней мере, следует принять во внимание скотоводство и сферу, не связанную с сельским хозяйством. Весьма вероятно, что жупану шли постоянные подношения за его судебную деятельность, да и церкви должны были давать определенный доход, после того как они были построены.

Окончательный переход княжества Карниолы (см. ниже) и жупы Блед в качестве ее составной части в состав Священной Римской империи в третьей четверти X в. принес с собой значительные перемены как в поселенческой структуре, так и в общественном устройстве. Кажется, что интеграция жупы в состав империи не была спокойной. Король изгнал жупана, завладел центральными частями Бледской жупы и превратил их в свое владение⁴¹.

Жупа Блед и ранние славяне. Такой результат исследования стал возможным потому, что применительно к территории Бледской жупы оказались несостоятельными некоторые старинные стереотипы о ранних славянах. Речь, прежде всего, идет об экономической основе их хозяйства и проистекающих из нее социальных явлениях. Действительно, Прокопий Кесарийский в VI в., сообщая о склавинах и антах, утверждает, что они часто меняли место жительства (*Procopii De bello Gothico, III. c. 14*). Из этого обычно делался ряд выводов: славяне не имели постоянных пахотных земель; основой их хозяйствования было подсечно-огневое земледелие, относительно быстро исчерпывавшее почвы; непостоянными в связи с этим были и их поселения⁴². В связи с этим предполагалось, что земельный кадастр, отражающий существование постоянного разделения земли, был введен в словенских землях лишь в период феодализации, то есть между IX и XI вв., крупными землевладельцами⁴³. Будь это так, о древнейшей форме управления кадастр, естественно, ничего бы не мог поведать. Однако, результаты исследования жупы Блед перечеркнули подобный ход рассуждений. Начало непрерывного распределения пахотных земель в Бледе, очевидно, совпадает с новым порядком, появившимся здесь в VII в. с приходом славян. Это подтверждает археологически установленный континуитет построек с VII по X в. на поселении Пристава под Бледским замком⁴⁴.

Данный вывод, конечно, требует переосмысления характера и уровня земледелия у ранних славян вообще, а именно (не)вероятности стабильного разделения земель, наличия/отсутствия права личной собственности на пахотные участки, автохтонного развития социальной дифференциации, то есть всего того, что связано с во многом неразрешенным вопросом зарождения государственности у славян. Хотя, возможно, в других краях разделение земли не сохранилось в той же степени, что и в Бледе, следовало бы, по крайней мере, сопоставить тамошние структуры, выявленные археологическими раскопками, с бледским материалом. Таким образом, жупа Блед может

⁴¹ Очерк последующего развития см.: *Pleterski A. Nevidna srednjeveška Evropa: Župa Bled. S. 143–153.*

⁴² См.: *Grafenauer B. Poljedelski obdelovalni načini // Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev. Zgodovina agrarnih panog. Zv. I: Agrarno gospodarstvo. Ljubljana, 1970. S. 234–240; Krawarik H. Siedlungsgeschichte Österreichs: Siedlungsanfänge, Siedlungstypen, Siedlungsgenese // Geographie. Wien, Berlin, 2006. Bd. 19. S. 114; Biermann F. Eine frühslawische Siedlung bei Passow, Lkr. Uckermark // Veröffentlichungen zur brandenburgischen Landesarchäologie. 2010. Bd. 41/42. S. 284.*

⁴³ Ср.: *Grafenauer B. Poljedelski obdelovalni načini. S. 240.*

⁴⁴ *Pleterski A. Zgodnjesrednjeveška naselbina na blejski Pristavi. Tafonomija, predmeti in čas. S. 165–176.*

стать полезной интерпретационной моделью для изучения ситуации в других регионах. Потребность в новой интерпретации диктуют такие поселения, как Рашков (Рашків) I в Украине и Росток (Roztoký) близ Праги в Чехии. Первое находилось на одном и том же месте в течение почти двухсот лет с VII по IX в.⁴⁵, второе на одном и том же месте просуществовало как минимум столетие в VI и VII в.⁴⁶, что не согласуется с привычной моделью отсутствия у ранних славян постоянных поселений.

Возникает вопрос, как же в таком случае согласовать непрерывность разделения земли и поселенческой структуры в Блде с приведенной выше информацией Прокопия. Уже Бого Графенауэр высказал предположение, что в Восточных Альпах общий недостаток пригодных для пахоты земель и наличие местного автохтонного населения (влахов) ускорили сельскохозяйственное развитие славян⁴⁷. История Бледской жупы подтверждает правильность его размышлений, дополнительно демонстрируя то, что это произошло очень быстро, возможно даже сразу. Относительно ограниченное пахотное пространство требовало устойчивой обработки земли, которую осуществляли влахи. Следовательно, это означает, что славяне были достаточно гибкими. Археологическим подтверждением тому является состав сельскохозяйственных орудий в кладе из Себенье (*Sebenje*), который обнаруживает одновременное использование влашских пахотных орудий и орудий, принесенных с собой славянами⁴⁸. Это обнаруживается и в культуре строительства: в бледской Приставе рядом с постройкой, которая возвышалась над землей (очевидно, старая альпийская традиция), находилась квадратная постройка, которая, хотя и соответствует по форме, величине и внутреннему устройству славянским полуземлянкам, тем не менее, не вкопана в землю, а представляет собой обычную наземную постройку⁴⁹. Очевидно, что среда Валашской равнины, где жили славяне, описываемые Прокопием, была существенно иной, чем та, которую предлагал славянам альпийский Блед. В связи с этим становится совершенно ясным, что историю (южных) славян невозможно понять без обращения к истории влахов, вследствие чего именно изучение влахов, которыми до сих пор сильно пренебрегали, составляет *desiderata* будущих исследований.

3.2. Косезы

Особенностью южной части восточно-альпийского региона в конце Средневековья был особый социальный слой эдлингов (*Edling, Edlinger*), лично свободных людей, которые со своими небольшими земельными владениями непосредственно подчинялись местному герцогу. Населенные пункты с немецким названием *Edling* имеют словенское название *Koseze / Kazaze*⁵⁰. В связи с этим в историографии долгое время велась дискуссия, до сих пор так и незавершенная, о возможной связи позднесредневековых (XIII/XIV и XV в.) эдлингов с косезами, будто бы являвшимися в раннее Средневековье

⁴⁵ См.: Баран Я. В. Слов'янська община (за матеріалами поселення Рашків I) // Проблемі походження та історичного розвитку слов'ян. Збірник наукових статей, присвячений 100-річчю з дня народження Віктора Платоновича Петрова. Київ; Львів, 1997. С. 176.

⁴⁶ См.: Profantová N. Chronologie osídlení areálu v historických souvislostech // Počátky raného středověku v Čechách. Archeologický výzkum sídelní aglomerace kultury pražského typu v Roztokách. Praha, 2005. S. 214.

⁴⁷ Grafenauer B. Poljedelski obdelovalni načini. S. 239.

⁴⁸ Pleterski A. Sebenski zaklad. S. 257–281.

⁴⁹ Pleterski A. Zgodnjesrednjeveška naselbina na Blejski Pristavi. Najdbe. S. 122–126.

⁵⁰ См., например: Vilfan S. Kmečko prebivalstvo po osebnem položaju // Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev. Zgodovina agrarnih panog. Zv. II: Družbena razmerja in gibanja. Ljubljana, 1980. S. 320–321.

особым социальным слоем или некой племенной группой, давшей позднее свое имя социальному слою. Так как письменные источники в XV в. в Бледском углу упоминают многочисленных эдлингов, микрорегиональный анализ делает возможным по крайней мере применительно к этому конкретному пространству дать ясный ответ на вопрос о возможном раннесредневековом источнике эдлингов⁵¹. Ответ состоит в том, что в случае с бледскими эдлингами речь идет о социальном слое, который сформировался в позднем Средневековье, имел гетерогенное происхождение и не обладал здесь какой-либо раннесредневековой традицией в качестве социально-правовой группы.

Разумеется, данный вывод противоречит концепции Бога Графенауэра. В своей монументальной монографии о Карантании он пытался доказать, что она была первым славянским государством, причем делал это в соответствии с известным теоретическим положением, гласившим, что государство возникает вследствие появления антагонистических социальных классов — эксплуататоров и эксплуатируемых. В соответствии с данным определением основным и решающим признаком появления государства должно быть наличие аппарата насилия, а именно специальных подразделений вооруженных людей, служивших орудием государственной власти⁵². Это орудие Б. Графенауэр усматривал в косезах, и, хотя они не фигурируют в качестве социального слоя в раннем Средневековье, исследователь проецировал их позднейший статус в VIII столетие, устанавливая тем самым структурированность, необходимую в рамках вышеприведенного представления о сущности государства⁵³. Очевидно, что проблему косезов и формирования государственности необходимо будет рассмотреть заново.

3.3. Само

Само и Карантания. В качестве первого важного, как в политическом, так и в военном отношении, славянского политического формирования можно рассматривать державу Само (623–658). Единственный письменный источник, который прямо связывает восточно-альпийский регион с Само — трактат «Обращение баваров и карантанцев» (*Conversio Bagoariorum et Carantanorum*), написанный спустя более чем двести лет после смерти Само⁵⁴. Речь идет о крайне тенденциозном сочинении, которое появилось в 870⁵⁵ или, возможно, даже в 878 г.⁵⁶ для защиты прав церковной юрисдикции Зальцбургского архиепископства в связи с учреждением архиепископии, возглавляемой св. Мефодием. Неизвестный автор, который был мастером в подтасовке информации⁵⁷, сообщает, что Само был князем у карантанцев (*Conversio, c. 4*). В историографии в этом нередко видели свидетельство того, что карантанцы были частью племенного союза

⁵¹ Pleterski A. Nevidna srednjeveška Evropa: Župa Bled. S. 125–127

⁵² Grafenauer B. Ustoličevanje koroških vojvod in država karantanskih Slovencev. Ljubljana, 1952. S. 14.

⁵³ Ibid. S. 557–558

⁵⁴ См.: Lošek F. Die *Conversio Bagoariorum et Carantanorum* und der Brief des Erzbischofs Theotmar von Salzburg. Hannover, 1997.

⁵⁵ Аргументы в пользу данной датировки см.: Lošek F. Die *Conversio Bagoariorum et Carantanorum*... S. 6; Wolfram H. *Conversio Bagoariorum et Carantanorum*. Das Weißbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantänien und Pannonien. Ljubljana, 2012. S. 27.

⁵⁶ Данную датировку отстаивает А. Шницер: Schnitzer A. Die Karantanenmission — ein Rekonstruktionsversuch. Diplomarbeit. Wien: Universität Wien, Katholisch-Theologische Fakultät, 1997.

⁵⁷ Pleterski A. Lepi, grdi, zli: o metodah, Liburniji, Karantaciji, vojvodskem stolu, Konverziji in Brižinskih spomenikih // ZŠ. 1998. Letnik 52. S. 250.

Само. Однако, такому пониманию противоречит то, что происходило во время нападения франкского короля Дагоберта на Само и его славян.

Материалы раскопок крупнейшего из баварских некрополей — Альтенердинга (к северо-востоку от Мюнхена) — показывают, что в период между 630 и 640 гг. (вероятно, ближе к 630 г.) альтенердингские воины участвовали в самом худшем из своих сражений. Смертность молодых людей достигла тогда вершины. На ощущение чрезвычайной угрозы указывает наблюдение, что на войну были отправлены — вопреки установленным правилам — даже необученные юноши⁵⁸.

Единственное военное событие, которое должно быть при этом принято во внимание, исходя из сообщений письменных источников, — это война франков и их союзников со славянами, возглавлявшимися Само. Решающим в ней было сражение между австразийцами и славянами при Вогастисбурге в 631/632 г. Однако, бавары не были специально отмечены как участники войны. Вследствие этого возможны две совершенно противоположные реконструкции событий. В рамках первой из них сообщение «Так называемой хроники Фредегара» о том, что бавары должны были по франкскому повелению за одну ночь умертвить 9000 болгар, бежавших к ним от аваров, можно интерпретировать в том смысле, что они были частью франкского плана поиска союзников против опасного для них славянского племенного союза с Само во главе⁵⁹. Победу при Вогастисбурге славяне использовали для последующего грабежа франкских территорий: *Winidi in Toringia et reliquos vastandum pagus in Francorum regnum inruunt (Fredegarii Chronicon IV, c. 68)*. В соответствии с предложенной реконструкцией событий мы должны были бы допустить возможность, что хронист баваров причислил к австразийцам. Кроме того, не исключено, что бавары при Вогастисбурге на самом деле не сражались, а разместились по краям от славян, которые в грабительском походе приближались к Альтенердингу.

На вероятность иного хода событий указал Ханс-Дитрих Каль. Он усомнился в существовании франкского приказа об убийстве болгар, которое, с его точки зрения, было бы просто неосуществимо по причинам логистики. Поэтому он предложил иное объяснение, согласно которому бавары, которые неоднократно проявляли себя антифранкски настроенными, находились в упомянутой войне на стороне славян. Правда, он обращает внимание на то, что источники не сообщают о франкских репрессиях, которые бы могли обрушиться на баваров вследствие нарушения ими вассальных обязательств⁶⁰. В связи с этим следует отметить, что смертность гражданского населения Альтенердинга в этот период не увеличилась, что может говорить о том, что либо враги не достигли края, либо они не убивали безоружных. Если задаться вопросом, кто все-таки осмелился поставить под угрозу важный военный форпост в центре Баварии — войско славян в грабительском походе или совершавшая карательную операцию армия франков, то гораздо более вероятной представляется вторая возможность, а соответственно реконструкция событий, предложенная Х.-Д. Калем.

⁵⁸ Losert H., Pleterski A. Altenerding in Oberbayern: Struktur des frühmittelalterlichen Gräberfeldes und «Ethnogenese» der Bajuwaren. Berlin, 2003. S. 645.

⁵⁹ См.: Wolfram H. Baiern und das Frankenreich // Die Bajuwaren. Von Severin bis Tassilo 488–788 / Hrsg. von H. Dannheimer und H. Dopsch. München, 1988. S. 132.

⁶⁰ Kahl H.-D. Die Baiern und ihre Nachbarn bis zum Tode des Herzoges Theodo (717/18) // Die Bayern und ihre Nachbarn. Teil 1 / Hrsg. von H. Wolfram und A. Schwarz. Wien, 1988. S. 185–188.

Такая интерпретация, разумеется, не означает, что бавары находились в союзе со всеми славянами, которые ни тогда, ни позднее не являли собой никакого политического единства. Факт сражения баварского герцога Гарибальда II со славянами при Агунте в Восточных Альпах (*Paulus Diaconus, Historia Langobardorum, liber IV: c. 39*) не означает поэтому, что он не мог находиться в хороших отношениях со славянами, проживавшими к северу от Дуная. На присутствие славян в Альтенердинге указывают также погребения с куриными костями, полностью отличающиеся от местных обычаев захоронения. Но они были тогда совершенно обычными для славян в австрийском Подунавье⁶¹. Также здесь была обнаружена керамика с золотой слюдой, фрагмент которой встречается в Альтенердинге в материалах погребения 999⁶². Между тем, разбитая посуда в инвентаре погребений обычна для славян Верхней Австрии⁶³. Существование баварско-славянского сотрудничества могло бы прояснить и явление, на которое обратил внимание Ханс Лозерт, — появление во второй половине VII в. среди баварских погребений к северу от Дуная многочисленных погребений с кремацией, которые можно связать со славянскими мигрантами⁶⁴. С этого времени начался процесс расселения славян среди баваров, который оставил следы также в топонимике⁶⁵.

Итак, с одной стороны, материалы археологических раскопок указывают на союз баваров со славянами Само, с другой стороны, письменные источники описывают военные столкновения баваров со славянами в Восточных Альпах. Это не удастся совместить с информацией трактата «Обращение баваров и карантанцев» о том, что Само был князем карантанцев, вследствие чего этому утверждению нельзя доверять. Его появление можно объяснить задачами, стоявшими перед автором трактата, стремившимся представить перечень заслуг баваров и Зальцбургского (архи)епископства перед Карантанией. Тому факту, что в VII в. бавары и восточноальпийские славяне смотрели друг на друга через острие ножа, хорошо «соответствовало» утверждение, что князем карантанцев был Само, с которым бавары, очевидно, действительно сотрудничали. Чтобы не оставалось никаких сомнений, в продолжении сочинения под названием *Gesta Dagoberti* повторяется несомненно ложное утверждение, что Дагоберт подчинил себе славян Само⁶⁶. Поэтому в том, что касается правления Само в Карантании, трактату не следует верить. Само определенно не был карантанским князем!

Интронизация Само. Несмотря на то, что племенной союз Само не охватывал Восточных Альп, его пример важен для понимания тогдашней славянской политической организации. Хотя ее описание, содержащееся в в «Так называемой хронике Фредегара», довольно скромное, оно все же дает важную информацию о том, как он стал славянским «королем» (*rex*) (*Fredegarii Chronicon IV, c. 48*). Само был избран (*eum eligunt*) жупаном или князем (что было бы его наиболее вероятным титулом на славянском

⁶¹ См.: *Tovornik V. 1*) Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Gusen und Auhof bei Perg in Oberösterreich. Teil I: Gusen // *Archaeologia Austriaca* 1985. Vol. 69, S. 165–250; 2) Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Gusen und Auhof bei Perg in Oberösterreich. Teil 2: Gusen // *Archaeologia Austriaca*. 1986. Vol. 70, S. 413–484.

⁶² *Losert H., Pleterski A.* Altenerding in Oberbayern... S. 652.

⁶³ *Ibid.*

⁶⁴ См.: *Losert H. 1*) Zur Deutung der Brandgräber in einigen merowingerzeitlichen Friedhöfen Mittel- und Unterfrankens // *Die Welt der Slaven*. 1991. Bd. 36. (N.F. 15), 365–392; 2) Die slawische Besiedlung Nordostbayerns aus archäologischer Sicht // *Vorträge 11. Niederbayerischer Archäologentag*. S. 230–233.

⁶⁵ См.: *Bauer R.* Beiträge der Ortsnamenforschung zur Klärung der Siedlungsgenese süddeutscher Altsiedelräume // *Siedlungsforschung. Archäologie-Geschichte-Geographie*. 1999. Bd. 17. S. 148, 150.

⁶⁶ *Wolfram H.* *Conversio Bagoariorum et Carantanorum*... S. 116.

языке) благодаря качествам, которые он продемонстрировал в сражениях с аварами. То были его *utilitas* и *consilium*, благодаря которым славяне регулярно побеждали. Если эти слова мы переведем как «способность» и «совет», необязательно, что этим мы точно описали бы качества Само. Конечно, речь шла и о его интеллектуальных способностях и о воинской доблести. Но не следовало бы оставлять без внимания вероятность того, что *utilitas* могла означать также его магическую силу, в которую бы могли поверить сражавшиеся вместе с ним воины. Не вызывает сомнений и его мужская сила — у Само было 12 жен и 37 детей. Таким образом, Само обладал интеллектуальной, магической (?) и физической силой, а также чрезвычайной сексуальной энергией, то есть всем тем, что соответствовало критериям выбора властителя в архаическом обществе, установленным В. Я. Проппом (см. выше). Благодаря наличию у Само всех этих качеств славяне его и избрали. То, что он при этом происходил не из их страны, было при этом совершенно неважно. Важно было лишь то, что он был самым лучшим. Данный пример поэтому никоим образом не может рассматриваться как доказательство пресловутого славянского «безначалия», но наоборот свидетельствует о наличии эффективной системы выбора. Правда и то, что подобная система не признавала передачи власти по наследству. Каждый кандидат должен был самостоятельно доказать свою пригодность. То, что такую систему не понимали внешние наблюдатели, оставившие нам свои описания раннеславянского общества, конечно же, является проблемой сегодняшних интерпретаторов, а не проблемой ранних славян.

3.4. Интронизация герцогов Каринтии

Избрание Само можно рассматривать как парадигму развития славянских жуп и княжеств в дохристианский период, конечно, при условии, что наши вышеприведенные рассуждения хотя бы в общем верны. В такой ситуации всегда желателен еще какой-либо позитивный пример. Все говорит в пользу того, что такой пример представляет обряд интронизации герцогов Каринтии (в прошлом — князей Карантании). Об этом обряде и карантанской политической организации существует исключительно обширная библиография⁶⁷. Письменные источники подробно описывают процедуру интронизации начиная с XI в. и позднее. Поэтому мы знаем, что обряд с течением времени претерпел ряд изменений, пока совершенно не отмер. Для обсуждения истоков славянской государственности, конечно, важна его старейшая документированная форма⁶⁸.

Описание сосредоточено на определении правовых отношений между свободными крестьянами Каринтии с одной стороны, герцогом с другой стороны и Священной Римской империей с третьей стороны. То есть описывается состояние, которое было уже результатом включения Карантании во Франкскую империю. Между тем, изучение элементов обряда интронизации, их символики и последовательности ясно обнаруживает следы древней индоевропейской идеологии властных отношений. В связи

⁶⁷ См. наиболее обстоятельные монографические исследования: *Grafenauer B. Ustoličevanje koroških vojvod in država karantanskih Slovencev*. Ljubljana, 1952; Kahl H.-D. *Der Staat der Karantanen. Fakten, Thesen und Fragen zu einer frühen slawischen Machtbildung im Ostalpenraum (7.-9. Jh.)*. Ljubljana, 2002. Новейший обзор исследований см.: *Dopsch H. Der Kärntner Fürstenstein im Spiegel der mittelalterlichen Schriftquellen // Der Kärntner Fürstenstein im Bild. Darstellungen eines europäischen Rechtsdenkmals / Hrsg. von Sabine Nikolay*. Klagenfurt; Ljubljana, 2010. S. 215–260.

⁶⁸ См.: *Grafenauer B. Ustoličevanje koroških vojvod in država karantanskih Slovencev*. S. 172–174.

с этим аналогии можно обнаружить у всех индоевропейцев, причем хронологически они достигают эпохи древнеиндийской Ригведы⁶⁹. Кажется, что карантанский обряд весьма походил на то, как осуществлялся ритуал интронизации в древней ирландской Темре (*Temair*, англ. *Tara*).

Единогo подробного описания ирландского обряда не существует. Кроме того, с течением времени обряд, конечно, изменялся, в том числе под влиянием христианизации. Однако, если рассматривать отдельные описания как фрагменты целого и попытаться определить их общий источник, а также учесть возможные изменения в процессе развития, то можно реконструировать его структуру и основные правила⁷⁰. В обряде было задействовано несколько арен, причем все они были отделены друг от друга (дорога, вода, лес). Начинался обряд с избрания кандидата. Видение во сне, имевшее при этом решающее значение, вероятнее всего, было словом бога-быка. У кандидата были компаньоны (3, 4, 6), сводные братья, побратимы⁷¹. Он должен пройти испытания, чтобы подтвердить свой статус. Происходит его поединок с ближайшим сородичем. В реальной средневековой исторической форме то было просто сценой, которую разыгрывали кандидат и вершитель обряда, которые стояли каждый на своем камне или около него и наносили символические удары. Следующим актом являлся священный брак с Властью в образе лошади. Символическое совокупление превращало ее в красавицу. Кандидат и Власть сменяли одежды. Кандидат получал напиток власти в сосуде (*roge*). Прежде чем он мог разделить его с другими, его превосходство должно было быть признано. При этом речь шла не просто о разделении власти, но также о разделении пищи, плодородия. Правитель у индоевропейцев, да и не только у них, был в первую очередь ответственен за обеспечение пищей (и тем самым за жизнь) всего общества, как в своем подробном анализе показал Яцек Банашкевич⁷².

В Каринтии при выборе руководителя обряда и при подтверждении кандидата в герцоги были важны следующие качества: что он хороший, разумнейший — *wisost* (*consilium* у Само!), полезный — *nütz* (*utilitas* у Само!). Его переодевали в платье синего и красного цветов, что характеризует его как наряд для свадьбы, после чего он должен быть оседлать неукрошенную кобылу (более подробное описание этого действия опущено). Затем его вели к камню интронизации на Госпосветском поле (нем. *Zollfeld*, к северу от Целовца (Клагенfurта)). Он троекратно объезжал камень, что также являлось важным элементом свадебных обрядов (такой камень, например, до середины

⁶⁹ См.: *Goldmann E.* Die Einführung der deutschen Herzogsgeschlechter Kärntens in den slovenischen Stammesverband (Untersuchungen zur Deutschen Staats- und Rechtsgeschichte 68). Breslau, 1903; *Graber G.* Der Eintritt des Herzogs von Kärnten am Fürstenstein zu Karnburg. Wien, 1919; *Banaszkiewicz J.* Podanie o Piascie i Popielu: studium porównawcze nad wczesnosredniowiecznymi tradycjami dynastycznymi. Warszawa, 1986. S. 42–55; *Kahl H.-D.* Das Fürstentum Karantanien und die Anfänge seiner Christianisierung // Karantanien und der Alpen-Adria-Raum im Frühmittelalter. Wien; Köln; Weimar, 1993. S. 54–55; *Pleterski A.* 1) Mitska stvarnost koroških knežjih kamnov. (Zbirka Zgodovinskega časopisa, 17). Ljubljana, 1997; 2) Die Kärntner Fürstensteine in der Struktur dreier Kultstätten // Der Kärntner Fürstenstein im Europäischen Vergleich: Tagungsbericht Symposium Gmünd 20. bis 22. September 1996 / Hrsg. von A. Huber. Gmünd, S. 43–119; *Třešník D.* Mýty kmene Čechů (7.–10. století). Tři studie ke «starým pověstem Českým». Praha, 2003. S. 101–167.

⁷⁰ См.: *Pleterski A.* Mitska stvarnost koroških knežjih kamnov. S. 31.

⁷¹ Моника Кропей в своем анализе подобных компаньонов из числа людей и животных в словенских сказках установила, что в некоторых примерах речь идет о космических силах: *Kropej M.* Pravljiča in stvarnost: odsev stvarnosti v slovenskih ljudskih pravljičah in povedkah ob primerih iz Štrekljeve zapuščine. Ljubljana, 1995. S. 160.

⁷² *Banaszkiewicz J.* Podanie o Piascie i Popielu... S. 40–61.

XIX в. находился на поле у деревни Путгартен неподалеку от святилища Свантевита на острове Руян/Рюген⁷³). Позднейшие описания также сообщают, что у камня он получал удар, а затем пил воду из шапки, садился на камень и принимал власть⁷⁴. Все это достаточно ясно показывает, что обряд интронизации воспроизводил свадебный ритуал, который ежегодно возобновлялся в мире богов — *hieros gamos*⁷⁵. Поэтому из сказанного вполне можно заключить, что славянская государственность коренилась в общем индоевропейском наследии, и что сакральные корни карантанской интронизации происходили еще из эпохи до прихода славян в Восточные Альпы.

Обряд, посредством которого карантанцы в середине VIII в. поставили своим князем Горазда (*eum ducem fecerunt*) (*Conversio*, с. 4), не мог быть существенно иным по своей форме, чем тот, что существовал в XI столетии. Это также относится к критериям выбора кандидата, которые и в XI в. были подобны тем, что существовали в VII в. при избрании Само. Избран был именно тот, кто был по мнению тех, кто принимал решение, наилучшим. Иного мнения придерживается Петер Штих, который полагает, что княжеская власть в Карантании в середине VIII в. уже была наследственной, основываясь в данном случае на информации, что в качестве князей друг за другом следовали Борут, а затем его сын Горазд и племянник Хотимир. Поэтому, по его мнению, карантанцы князя свободно не выбирали⁷⁶. Однако, такой трактовке можно не без оснований возразить. Если бы была княжеская власть в Карантании уже тогда наследственной, мы были бы вправе ожидать какой-либо информации о наличии родственных связей между последующими правителями, а такой информации у нас нет. Поэтому стоит задаться вопросом: возможно ли в некоторых случаях наследование должностей родственниками там, где еще не вошел в силу принцип наследственной власти?

При выборе князя или жупана было, разумеется, важным и то, что сейчас принято именовать социальными связями. Хотя должность правителя не была наследственной и кандидат должен был отвечать целому ряду требований, социальные связи его семьи и приятелей могли также иметь определенное влияние. Так, вряд ли является простым совпадением, что Джордж Буш старший, а затем его сын Джордж Буш младший оба стали президентами Соединенных Штатов Америки. Однако, этот факт абсолютно не является доказательством какой-либо наследственности поста президента в этом государстве. Показательно при этом, что в Исландии, где в Средние века споры разрешались публично, а судебные разбирательства регулировались нормами права, не было, однако, безразлично, сколько и каких друзей имела каждая из сторон, участвовавших в споре (об этом подробно рассказывает «Сага о Ньяле»).

Таким образом, если о первых трех известных по именам князьях Карантании мы знаем, что они были родственниками, это еще не значит, что тогда там уже вплотную подошли к наследственности княжеской власти. К таким результатам могли привести и два отдельных избирательных процесса.

⁷³ См.: *Meier J.* Der Brautstein. Frauen, Steine und Hochzeitsbräuche. Bern, 1996. S. 9.

⁷⁴ См.: *Pleterski A.* Mítska stvarnost koroških knežjih kamnov. S. 33–41.

⁷⁵ См.: *Belaj V.* Hod kroz godinu. Pokušaj rekonstrukcije prahrvatskoga mitskoga svjetonazora. Zagreb, 2007; *Katičić R.* Zeleni lug. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine. Zagreb; Mošćenička Draga, 2010.

⁷⁶ *Štih P.* O modernem (ne)razumevanju in (ne)poznavanju stare zgodovine na primeru ustoličevanja koroških vojvod // *Stiplovškov zbornik / Ur. D. Nečak* (Historia 10). Ljubljana, 2005. S. 39.

3.5. Славянские княжества в Восточных Альпах

С точки зрения географов эпохи высокого Средневековья Карантания охватывала пространство между Чехией и Хорватией. Это обстоятельство решающим образом повлияло на географические представления позднейших историографов о первоначальном территориальном охвате Карантании. В результате утвердился стереотип, согласно которому Карантания имела подобный территориальный охват с момента своего возникновения. Этот стереотип, конечно, находится в противоречии с представлением о поэтапном развитии государственности у славян в остальной Европе. Он противоречит и форме сакральных элементов власти, как они описаны выше, и картине, которая вырисовывается из данных археологических, лингвистических и письменных источников.

Социальная дифференциация в Восточных Альпах (см. выше применительно к Бледской жупе) превратила жупанов в мощный верхний слой социума. В эпоху христианизации начала развиваться церковная организация, жупаны и князья стали возводить так называемые «частные церкви». Для их постройки и обслуживания были необходимы средства и покровительство светского правителя. Средневековая доктрина, согласно которой разделение на воюющих, молящихся и трудящихся (*bellatores, oratores et laboratores*) происходит от Бога и установлено по Его воле, означало, что правитель не зависит от выбора людей. Эта христианская идеология помогала укреплять властную мощь верхнего социального слоя. Это обусловило тот факт, что первые церкви, воздвигнутые в славянских землях, находились в центрах политической и экономической мощи. В результате локализовать такие центры в Восточных Альпах позволяют обнаруженные раскопками элементы каменного церковного убранства, включая детали, украшенные характерным для этой эпохи плетеным орнаментом⁷⁷. Хотя уже в первой половине IX в. часть жуп и княжеств в Восточных Альпах была преобразована в имперские графства, письменные источники свидетельствуют о том, что для жупанов существовала возможность влиться в ряды знати нового государственного организма. Поэтому можно говорить о том, что, по крайней мере, до середины X в. концентрация частных церквей отражает древнейшее состояние распределения политической власти.

Карта расположения таких церквей на территории античной Эмоны и Внутреннего Норика показывает четыре группы, которые находятся в центрах отдельных римских *civitates* — Теурнии (*Teurnia*), Вируна (*Virunum*), Флавии Сольвы (*Flavia Solva*) и Эмоны (*Emona*). С одной стороны, такое расположение свидетельствует о том, что географическое, инфраструктурное и экономическое наследие античности было весьма сильным, повлияв на формирование позднейших славянских княжеств, составленных из отдельных жуп. С другой стороны, эти четыре ядра сами по себе свидетельствуют о существовании четырех княжеств. Письменные источники позволяют их частично идентифицировать. Так, на бывшей территории, относившейся к Эмоне, в начале IX в. существовало княжество Карниола, на территории, относившейся к Вируну, — Карантания, на территории Теурнии и частично Агунта — Либурния (эволюция названия: *Teurnia > Tiburnia > Liburnia > Lurna > Lurn*). С территорией, относившейся к Флавии Сольве, связано племенное имя дулебов (*Dudlebi*). Таким образом, первоначальную Карантанию, охватывавшую небольшую территорию, мы не можем

⁷⁷ См.: Karpf K. Frühmittelalterliche Flechtweksteine in Karantanien. Marmorne Kirchengeschichten aus tassilonisch-karolingischer Zeit. Innsbruck, 2001.

отождествлять с позднейшей гораздо более крупной Карантанией, когда ее название в IX в. заменило прежний Внутренний Норик⁷⁸. В этом смысле позднейшую большую Карантанию следует считать созданием «имперской бюрократии», а не результатом самостоятельного политического развития славян в Восточных Альпах⁷⁹.

Только признав, что рядом с (малой) Карантанией в конце VIII в. существовало еще княжество Либурния, можно объяснить информацию, согласно которой в районе Мильштатского озера (Верхняя Каринтия, некогда территория Теурнии) правил дукс Домициан, который, вероятно, был основателем первых двух монастырей в славянском мире — женского в Мильштате (Millstatt) и мужского в соседнем Мольцбихле (Molzbichl), с которыми можно связать также древнейшие известные тексты на славянском языке — Фрейзингские отрывки⁸⁰. Этому правителю трактат «Обращение баваров и карантанцев» не упоминает среди карантанских князей. Конечно, это можно трактовать в том смысле, что Домициан был будто бы лишь локальным жупаном на территории Карантании, но почему тогда ни один из карантанских князей не упоминается в связи с такими же акциями? Иметь два монастыря в 60 км от центра своей державы, а в самом центре ни одного, достаточно странно. Кроме того, экономическая мощь локального жупана, насколько ее можно реконструировать, была явно недостаточна для строительства и обслуживания двух монастырей. Гораздо менее натянутым выглядит объяснение, что Домициан был правителем отдельного княжества Либурнии.

В действительности, единственным основанием для интерпретации, согласно которой Карантаня уже в VIII в. охватывала все пространство бывшего Внутреннего Норика⁸¹, является известная фраза из трактата «Обращение баваров и карантанцев» (с. 4): «*Qui venientes Carantanis dedicaverunt ibi ecclesiam sanctae Mariae et aliam in Liburnia civitate seu ad Undrimas et in aliis quam plurimis locis*». Даже если прав Фриц Лёшек, полагающий, что мы должны *Carantanis* в духе испорченной средневековой латыни понимать как место, куда приходят христианские священники, то есть «к карантанцам»⁸², это никоим образом не может означать, что они тогда освятили три церкви и что все эти три церкви находились в Карантании. Подробный анализ соответствий и структуры упомянутого отрывка и трактата в целом показал, что единственный адекватный структуре перевод следующий: «Когда те пришли, они освятили карантанцам (или, если прав Ф. Лёшек: «Когда те пришли к карантанцам, они освятили там...») церковь святой Марии и другую на земле (в области) Либурнии или (то есть точнее) *ad Undrimas* и в других весьма многих местах»⁸³. Священники, таким образом, освятили две церкви, одну у карантанцев (скорее всего, Госпа Света/Maria Saal), другую *ad Undrimas*

⁷⁸ Wolfram H. *Conversio Bagoariorum et Carantanorum...* S. 149.

⁷⁹ См.: Pleterski A. *Spuren slawischer Fürstentümer im Ostalpenraum // Karantaniën, Mutter von Kärnten und Steiermark / Hrsg. von W. R. Baier und D. Kramer. Studia Carinthiaca. 2003. Vol. XXII. S. 25–36.*

⁸⁰ См.: Pleterski A. 1) *Arheologija in nastanek Brižinskih spomenikov // Zbornik Brižinski spomeniki / Ur. J. Kos et al. Ljubljana, 1996. S. 27–42;* 2) *Mitska stvarnost koroških knežjih kamnov. S. 42–50; Kahl H.-D. Der Millstätter Domitian. Abklopfen einer problematischen Klosterüberlieferung zur Missionierung der Alpendslawen Oberkärntens (Vorträge und Forschungen Bd. 46). Stuttgart, 1999.*

⁸¹ См. новейший пример подобной интерпретации: Wolfram H. *Conversio Bagoariorum et Carantanorum...* Karte 1.

⁸² Lošek F. *Salzburg als Zentrum der frühmittelalterlichen lateinischen Literatur // Slovenija in sosednje dežele med antiko in karolinško dobo: začetki slovenske etnogeneze: Anfänge der slowenischen Ethnogenese / Ur. R. Bratož. Ljubljana, 2000. S. 741.*

⁸³ Pleterski A. *Lepi, grdi, zli: o metodah, Liburniji, Karantaniji, vojvodskem stolu, Konverziji in Brižinskih spomenikih. S. 249–273.*

на территории Либурнии. Предположение Х.-Д. Каля, что речь идет о нынешней церкви св. Лаврентия в Альтхофене близ *Maria Pfarr* в Лунгау хорошо аргументировано. Важно и то, что эта церковь стоит на древнем пути из Зальцбурга в Карантанию, по которому должны были тогда проходить миссионеры⁸⁴.

Справедливости ради, следует отметить, что под словами *Liburnia civitate* необязательно подразумевалась только территория княжества Либурнии. Историю значения слова *civitas* в раннее Средневековье, прежде всего в Восточно-Франкском королевстве, проследил Вальтер Шлезингер. Он показал, что с эпохи поздней античности преобладающим значением было относящееся к церковному центру и находящейся в его юрисдикции территории. Позднее термин стал означать также город или крепость, причем и в этом случае значение термина могло распространяться на всю соответствующую область⁸⁵. В этом свете выражение *Liburnia civitate* вполне могло относиться ко всей территории епископии Теурнии, а не только непосредственно к княжеству Либурнии. Автор «Обращения баваров и карантанцев», таким образом, имел в виду центральную восточно-альпийскую епископию, которая в «Житии св. Северина» Евгиппия (с. 21, 2) в V в. именовалась митрополией Норика (*metropolis Norici*)⁸⁶. Это был бы сильный аргумент в борьбе за церковную юрисдикцию в Восточных Альпах, который бы предполагал, что Зальцбург взял на себя функции Теурнии. Если бы ссылка на него касалась положения в IX в., то автор трактата должен был ее связать с Карантанией, которая тогда (в IX в.) уже означала прежний Внутренний Норик (см. выше). Все это привело к появлению позднейших представлений средневековых и позднейших авторов, считавших древней Теурнией/Либурнией руины Вируна в центре Карантании⁸⁷. Однако, подобное понимание никак не доказывает, что Карантания уже в VIII в. охватывала то же пространство, что и столетие спустя, и также не отрицает существование славянского княжества Либурнии. Скорее оно его усиливает подчеркиванием важности территории Теурнии/Либурнии. Поэтому позднейшую ситуацию с большой Карантанией не следует механически экстраполировать на VIII столетие.

Между тем, после того как мы показали возможность существования четырех восточно-альпийских княжеств в VIII в., приобретает дополнительную актуальность вопрос и об организации соседних территорий. Применительно к пространству на севере известно, что территорией у Дуная владели авары (что бы в данном случае это название ни означало), граничившие непосредственно с баварами. Где на востоке начиналась настоящая Авария, мы не знаем. Мы должны допустить возможность того, что и на территории Аварии могли существовать жупы как формы базовой территориальной организации, но, конечно, они не могли объединяться в княжества. Это могло произойти только после франкского уничтожения Аварии как политического образования. Пожалуй, это лучшее объяснение произошедшему вскоре внезапному появлению

⁸⁴ Kahl H.-D. Der Staat der Karantanen... S. 342–343.

⁸⁵ Schlesinger W. Burg und Stadt // Aus Verfassungs- und Landesgeschichte. Festschrift zum 70. Geburtstag von Theodor Mayer dargebracht von seinen Freunden und Schülern. Bd. I. Zur allgemeinen und Verfassungsgeschichte / Hrsg. von H. Büttner, O. Feger und B. Meyer. Konstanz, 1954. S. 143–150, особенно 144 и 146.

⁸⁶ Bratož R. Evgipij, življenje svetega Severina. Ljubljana, 1982. S. 242, 363–364 (см. также: Житие святого Северина (с приложением оригинального латинского текста) / Перевод с латыни, вступ. статья, комментарии А. И. Донченко. СПб., 1998. С. 254, 329. — примеч. переводчика).

⁸⁷ См.: Pleterski A. Lepi, grdi, zli: o metodah, Liburniji, Karantaniji, vojvodskem stolu, Konverziji in Brižinskih spomenikih. S. 264–266.

на рубежах прежней Аварии ряда славянских княжеств со своими князьями, вступившими в междоусобные конфликты.

Весьма вероятно, что сеть жуп существовала также и на юге. Сформировались ли здесь также особые княжества, из письменных источников не известно, археологически же раннесредневековые поселения на этой территории еще слабо изучены.

4. Позднейшая судьба жуп и княжеств

В период своего существования жупа Блед входила в состав славянского княжества Карниола⁸⁸. В соответствии с концепцией В. Фритце (см. выше), это княжество можно рассматривать как первую или вторую стадию интеграции жуп. Когда Карл Великий завоевал паннонскую Аварию, он подчинил себе также Карниолу, однако, каких-либо структурных изменений в ее устройстве сквозь призму жупы Блед не обнаруживается. Перелом произошел только во время ее включения в состав Священной Римской империи во второй половине X столетия. Тем самым Карниола разделила судьбу соседних Карантанского, Либурнского и Дулебского княжеств, уже в первой половине IX в. административно перестроенных по системе графств. Включение восточно-альпийского региона в состав Священной Римской империи прервало самостоятельное перерастание фрактального жупного устройства во всеобъемлющую политическую единицу. Если бы развитие было беспрепятственным, то оно, возможно, привело бы к появлению в Восточных Альпах королевства Карантании (или королевства с другим названием), но этого не произошло. Х.-Д. Каль говорит поэтому об «обезглавленном этногенезе» (*geköpfte Ethnogenese*)⁸⁹. Из-за этого и первоначальный обряд интронизации карантанских князей, а позднее герцогов Каринтии, приобрел к концу Средневековья необычную форму, выглядевшую очень архаично, и потому привлекавшую внимание. Так, французский философ и юрист Жан Боден в своей работе «Шесть книг о государстве» 1576 года включил описание этого обряда, служившего ему примером договора о переносе суверенитета народа на монарха, в свою договорную теорию происхождения государства. Этот пример стал известен и использовавшему книгу Бодена Томасу Джефферсону, автору американской «Декларации независимости»⁹⁰. Это интересный пример того, какой резонанс получило то, что некогда происходило в каждой славянской жупе.

Существовало ли в раннее Средневековье в действительности название «жупа Блед», мы не можем с точностью установить, ввиду отсутствия современных письменных источников. Хотя данное название является в сущности техническим термином, существуют указания на возможность его бытования в прошлом. В соседнем микрорегионе Бохинь, который демонстрирует очень близкое Бледу структурное развитие, слово «жупа» еще сохранилось в живой речи⁹¹; также здесь зафиксирована традиция, что был Бохинь некогда «областью, которая сама управлялась». Слово «область» (*dežela*) — это юридический термин, который происходит от той же основы, что и слова «держава»⁹².

⁸⁸ О Карниоле см.: *Štih P. Kranjska (Carniola) v zgodnjem srednjem veku // Zbornik Brižinski spomeniki. S. 13–26.*

⁸⁹ *Kahl H.-D. Der Staat der Karantanen... S. 401.*

⁹⁰ См.: *Štih P. O modernem (ne)razumevanju in (ne)poznovanju stare zgodovine... S. 33–42.*

⁹¹ См.: *Snoj M. Slovenski etimološki slovar. S. 767.*

⁹² См.: *Škrubej K. Ritus gentis Slovanov v vzhodnih Alpah. Model rekonstrukcije pravnih razmerij na podlagi najstarejšega jezikovnega gradiva. Ljubljana, 2002. S. 176–182.*

В связи с этим примером кажется, что понятие *dežela* в раннее Средневековье относилось к жупе. Представляется поэтому, что бохиньская традиция — это показатель слабо известного до сих пор развития. На это указывает и появление с XII в. деревенских жупанов⁹³. Хотя между ними как низшими чиновниками в рамках земельной вотчины и жупанами раннесредневековой жупы не видно функциональной связи, все же нельзя исключать того, что речь могла идти о каком-либо пережитке раннеславянской жупы. Другими словами, она могла часть своих структур сохранить на уровне сельских общин⁹⁴. Это могло бы быть основой прочной идентичности сельского населения, которая была относительно независима от неоднократных изменений в идентичности социальных элит. Если это, действительно, было так, то перед нами появляется канал, сквозь который до нас могут прийти в виде народной традиции следы далекого прошлого, которые еще не удалось распознать.

SUMMARY

An extremely interesting framework for the issue discussed here is provided by the monumental research of Vladimir J. Propp on the historical roots of fairytale, where he demonstrated the connection between ancient rituals and traditions from all over the world and Russian folktales. While the latter are representatives of all fairy tales, they are certainly connected with Slavic conceptual world. Structural agreements discovered by Propp mostly indicate living conditions in societies dependent on natural forces, where the main means of controlling the natural environment are magic. The same conditions influenced the ruling of such societies.

It can be assumed that individual *župas* were basic political building blocks of the Slavic world. *Župas* shared a similar structure, similar language, law, customs and rituals, all of these being preconditions for the impression of Slavic unity held by all the authors who described the Slavs. Despite such an impression, the Slavs were never a homogeneous whole – at best they were a group of identical constituent parts. The appropriate mathematical metaphor might be that this is a fractal society. The metaphor compares *župas* to fractals of some kind, for *župas* not only share the same structure, but moreover, what can be found on the level of each *župa* can also be observed when separate *župas* group into larger territorial units.

Written records clearly prove the existence of *župas* and *župans* and their autonomy in the early stages after the settlement of the West and South Slavs. Therefore, in the fractal sense, each *župa* is a true *pars pro toto* of the Slavs as a whole. Understanding the life of a *župa* is a precondition to understanding the life of the Slavs. The example of the Early Slavic *župa* Bled (north-western Slovenia) indicates that the Slavs there adopted some elements of dwelling and kitchen culture, farming tools and agricultural techniques from the autochthonous Vlachs, which enabled immediate permanent division and individual ownership of arable land. Connected to this was an autochthonous development of social differentiation.

A peculiar feature of the south-eastern alpine region at the end of the Middle Ages is a special social class of *edlings* (*kosezi*), personally free people, who were, together with the little property they had, subject directly to the Prince of the Land. Since there are many *edlings*

⁹³ См.: Pleterski A. Nevidna srednjeveška Evropa: Župa Bled. S. 129–130.

⁹⁴ См.: Vilfan S. Soseske in druge podeželske skupnosti // Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev. Zgodovina agrarnih panog. Zv. II: Družbena razmerja in gibanja. Ljubljana, 1980. S. 19–58.

mentioned in the records of the 15th century in the Bled area, the microregional analysis was able to give a clear answer to the question about the potential early mediaeval origin of *edlings*. At Bled, *edlings* are a social class of heterogeneous origin, formed in the Late Middle Ages. At least there, *edlings* are a socio-legal group with no early mediaeval tradition.

It can be still considered that the earliest known Slavic state formation which held both political and military importance was the one under the leadership of Samo (623–658). Confrontation of written and archaeological sources indicates that Samo had no connection with Carantania in the eastern Alps. He was a man of intellectual, magical(?) and physical power, of extraordinary sexual energy, which all perfectly corresponds to the criteria of choosing the ruler as determined by Propp. Samo was chosen by the Slavs because of such characteristics. From Carantania, the ceremony of inauguration of Carantanian princes is known. It resembled the wedding which happens every spring in the world of gods — *hieros gamos*. Based on comparisons with other Indo-European peoples the conclusion can be drawn that Slavic statehood originates in the common Indo-European heritage, while the sacral roots of the Carantanian inauguration ceremony originate from the time before the Slavic settlement in the Eastern Alps.

For high mediaeval geographers, Carantania covers the territory between Bohemia and Croatia. This was decisive for how later historians, until the present day, have perceived the original extent of Carantania. The stereotype has been established that such was the extent of Carantania from its very beginning. This view, of course, contradicts the gradual state development in other Slavic parts of Europe. It contradicts the form of sacral elements of government, it contradicts the image indicated by archaeological, linguistic and written sources. The map of new early mediaeval churches in the territory of former Roman Emona and *Noricum Mediterraneum* shows four groups, located in the centres of individual Roman *civitates*: Teurnia, Virunum, Flavia Solva, Emona. On one hand, this image speaks for the fact that the geographic, logistic and economic heritage of the Roman times was strong enough to have influenced the formation of later Slavic principalities, which consisted of individual *župas*. On the other hand, these four cores indicate four principalities: Liburnia (not to be confused with the Liburnia at the Adriatic coast), Carantania, Carniola, Dudlebian principality.

While Charlemagne was conquering the Pannonian Avaria, he also subjugated the early mediaeval Carniola. From the perspective of *župa* Bled, however, no interventions in its organisational structures can be observed. The break only happened in the second half of the 10th century when Carniola was wholly incorporated into the Holy Roman Empire. Carniola thus shared the fate of the neighbouring principalities of Carantania, Liburnia and the Dudlebian principality, which were administratively reorganized into a system of counties in the first half of the 9th century. When the territory of the Eastern Alps was included in the mediaeval Holy Roman Empire, the autonomous development of the fractal organisation of *župas* into an independent integral administrative unit was interrupted. An uninterrupted development in the Eastern Alps might have led to a kingdom of Carantania (or a kingdom of a different name), but that did not happen.

Данные о статье

Автор: Андрей Плетерский, доктор археологии, доктор истории, научный советник Института археологии Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств в Любляне, профессор Отделения археологии философского факультета Люблянского университета (Словения), pleterski@zrc-sazu.si

Заголовок: Становление славянской государственности в Восточных Альпах

Резюме: Теоретические рамки проблемы, рассматриваемой в статье, определены в работах В. Я. Проппа. Он описал условия жизни в социумах, тесно связанных с природой, в которых в качестве главного средства контроля над природной средой выступала магия. Те же самые условия влияли и на характер управления в таких обществах. Можно полагать, что базовыми элементами политического устройства ранних славян являлись отдельные жупы. Имея характер фрактала, каждая жупа поистине являла собой *pars pro toto* славянского мира в целом. В статье рассматривается показательный пример такой раннеславянской жупы — жупа Блед (в северо-западной Словении). Автор также рассматривает характер славянских княжеств, существовавших в раннее Средневековье в регионе Восточных Альп — Либурнии, Карантании, Карниолы и княжества дулебов.

Ключевые слова: ранние славяне, Восточные Альпы, раннее Средневековье, жупа, Карантания, Карниола, славянская мифология.

Information about the article:

Author: Andrej Pleterski, Ph. D. in Archaeology, Ph. D. in History, scientific advisor of the Institute of Archaeology of the Scientific Research Center of Slovenian Academy of Sciences and Arts, lecturer at the Department of Archaeology, Faculty of Arts, University of Ljubljana (Slovenia), pleterski@zrc-sazu.si

Title: The making of Slavic statehood in the East Alpine Region

Summary: The framework for the issue discussed in the article is provided by the works by Vladimir Ya. Propp. He described the living conditions in societies dependent on natural forces, where the main means of controlling the natural environment were magic. The same conditions influenced the character of rule in such societies. It can be assumed that individual *župas* were basic political units of the early Slavic world. In the fractal sense, each *župa* is a true *pars pro toto* of the Slavs as a whole. The illustrative example of the early Slavic *župa* Bled (in north-western Slovenia) is discussed in the article. The author also discusses the character of Slavic principalities that existed in the East Alpine Region in the early Middle Ages, that are Liburnia, Carantania, Carniola, and Dudlebian principality.

Keywords: early Slavs, East Alps, Early Middle Ages, *župa*, Carantania, Carniola, Slavic mythology.

Список использованной литературы (References):

Banaszkiewicz, Jacek. *Podanie o Piascie i Popielu: studium porównawcze nad wczesnosredniowiecznymi tradycjami dynastycznymi*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. 205 s.

Baran, Jaroslav Volodimirovič. Slovjans'ka obschina (za materialami poselelnja Rashkiv I), in *Problemi pohodzhennja ta istorichnogo rozvitku Slovj'an, Zbirnik naukovih statej, prisvjačenij 100-riččju z dnja narodžennja Viktora Platonoviča Petrova*. Kijiv; L'viv, 1997. S. 176–183.

Bauer, Reinhard. Beiträge der Ortsnamenforschung zur Klärung der Siedlungsgenese süddeutscher Altsiedelräume, in *Siedlungsforschung. Archäologie-Geschichte-Geographie*. 1999. Bd. 17. S. 143–159.

Belaj, Vitomir. *Hod kroz godinu. Pokušaj rekonstrukcije prahrvatskoga mitskoga svjetonazora*. Zagreb: Golden marketing–Tehnička knjiga, 2007. 486 s.

Biermann, Felix. Eine frühslawische Siedlung bei Passow, Lkr. Uckermark, in *Veröffentlichungen zur brandenburgischen Landesarchäologie*. 2010. Bd. 41/42. S. 239–296.

Bratož, Rajko. *Evgipij, življenje svetega Severina*. Ljubljana: Univerza Edvarda Kardelja v Ljubljani, Filozofska fakulteta, Znanstveni inštitut, 1982. 474 str.

Curta, Florin. *The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500–700*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 463 str.

Dinić, Mihajlo. Krepitev in širjenje srbske fevdalne države. Utrditev fevdalnega reda in državne neodvisnosti, in Bogo Grafenauer, Dušan Perović, Jaroslav Šidak (ed.). *Zgodovina narodov Jugoslavije. Prva knjiga: Do začetka XVI. Stoletja*. Ljubljana, 1953. S. 316–328.

Dopsch, Heinz. Der Kärntner Fürstenstein im Spiegel der mittelalterlichen Schriftquellen, in Nikolay, Sabine (ed.) *Der Kärntner Fürstenstein im Bild. Darstellungen eines europäischen Rechtsdenkmals*. Klagenfurt/Celovec; Ljubljana/Laibach, 2010. S. 215–260.

Engel, Franz. Grenzwälder und slawische Burgwardbezirke in Nordmecklenburg, in Ludat, Herbert (ed.). *Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder*. Giessen, 1960. S. 125–140.

Fritze, Wolfgang H. Probleme der abodritischen Stammes- und Reichsverfassung und ihrer Entwicklung vom Stammesstaat zum Herrschaftsstaat, in Ludat, Herbert (ed.), *Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder*. Giessen, 1960. S. 141–219.

Giesler, Jochen. Zur Archäologie des Ostalpenraumes von 8. bis 11. Jahrhundert, in *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 1980. Bd. 10. S. 85–98.

Goldmann, Emil. *Die Einführung der deutschen Herzogsgeschlechter Kärntens in den slovenischen Stammesverband* (Untersuchungen zur Deutschen Staats- und Rechtsgeschichte. Bd. 68). Breslau, 1903. 247 s.

Graber, Georg 1919, *Der Eintritt des Herzogs von Kärnten am Fürstenstein zu Karnburg*. (Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte 190/5). Wien: Hölder, 1919. 138 str.

Grafenauer, Bogo. *Ustoličevanje koroških vojvod in država karantanskih Slovencev*. (Dela 1. razreda SAZU 7). Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1952. 624 str.

Grafenauer, Bogo. Poljedelski obdelovalni načini, in *Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev. Zv. I: Zgodovina agrarnih panog*. Ljubljana, 1970. 225–250.

Hardt, Matthias. Supan, in *Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte*. Berlin, 1998. Bd. V. S. 84–88.

Hardt, Matthias. Das «slawische Dorf» und seine kolonisationszeitliche Umformung nach schriftlichen und historisch-geographischen Quellen, in: *Siedlungsforschung. Archäologie-Geschichte-Geographie*. 1999. Bd. 17. S. 269–291.

Kahl, Hans-Dietrich. Die Baiern und ihre Nachbarn bis zum Tode des Herzoges Theodo (717/18), in Wolfram, Herwig; Schwarcz, Andreas (ed.). *Die Bayern und ihre Nachbarn. Teil 1*. (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Denkschriften, Bd. 179. Veröffentlichungen der Kommission für Frühmittelalterforschung. Bd. 8). Wien, 1985. S. 159–225.

Kahl, Hans-Dietrich. Das Fürstentum Karantanien und die Anfänge seiner Christianisierung, in *Karantanien und der Alpen-Adria-Raum im Frühmittelalter*, Wien; Köln; Weimar, 1993. S. 37–99.

Kahl, Hans-Dietrich. *Der Millstätter Domitian. Abklopfen einer problematischen Klosterüberlieferung zur Missionierung der Alpenlawen Oberkärntens*. (Vorträge und Forschungen 46). Stuttgart: Jan Thorbecke Verlag, 1999. 118 str.

Kahl, Hans-Dietrich. *Der Staat der Karantanen. Fakten, Thesen und Fragen zu einer frühen slawischen Machtbildung im Ostalpenraum (7.-9. Jh.)*. = *Država Karantancev. Dejstva, teze in vprašanja o zgodnji slovanski državni tvorbi v vzhodnoalpskem prostoru (7.-9. stol.)*. (Situla 39. Slovenija in sosednje dežele med antiko in karolinško dobo. Začetki slovenske etnogeneze. = Slowenien und die Nachbarländer zwischen Antike und Karolingischer Epoche. Anfänge der slowenischen Ethnogenese). Ljubljana: Narodni muzej Slovenije, Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 2002. 562 str.

Karpf, Kurt. *Frühmittelalterliche Flechtweksteine in Karantanien. Marmorne Kirchengestaltungen aus tassilonisch-karolingischer Zeit*. (Monographien zur Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie 8). Innsbruck: Wagner, 2001. 153 str.

Katičić, Radoslav. *Božanski boj. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine*. Zagreb; Mošćenička Draga: Ibis grafika, Katedra Čakavskog sabora Općine Mošćenička Draga, Odsjek za etnologiju i kulturnu antropologiju Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu, 2008. 378 s.

Katičić, Radoslav. *Zeleni lug. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine*. Zagreb; Mošćenička Draga: Ibis grafika, Matica hrvatska Katedra Čakavskog sabora Općine Mošćenička Draga, 2010. 492 s.

Katičić, Radoslav. *Gazdarica na vratima. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine*. Zagreb; Mošćenička Draga: Ibis grafika, Matica hrvatska Katedra Čakavskog sabora Općine Mošćenička Draga, 2011. 284 s.

Klejn, Lev S., *Arheološka tipologija*. Ljubljana: Založba ŠKUC, Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 1988. 577 s.

Knific, Timotej. Arheološki sledovi blejskih prebivalcev iz pozne antike in zgodnjega srednjega veka, in: Dežman, Jože (ed.). *Bled tisoč let. Blejski zbornik 2004*. Radovljica, 2004. 93–117.

Krawarik, Hans. *Siedlungsgeschichte Österreichs: Siedlungsanfänge, Siedlungstypen, Siedlungsgenese*. (Geographie 19). Wien; Berlin: Lit-Verlag, 2006. 624 str.

Kropej, Monika. *Pravljica in stvarnost: odsev stvarnosti v slovenskih ljudskih pravljicah in povedkah ob primerih iz Štrekljeve zapuščine*. (Zbirka ZRC 5). Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni center SAZU, 1995. 280 str.

- Kumer, Zmaga. *Od Dolan do Šmohora*. Celje: Mohorjeva družba, 1981. 143 str.
- Leben-Seljak, Petra 1996, *Antropološka analiza poznonatičnih in srednjeveških grobišč Bleda in okolice*. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Biotehniška fakulteta, Oddelek za biologijo, 362 s.
- Leben-Seljak, Petra. Etnogeneza Slovencev: rezultati antropoloških raziskav. The ethnogenesis of the Slovenes: the results of the anthropological researches, in Bratož, Rajko (ed.), *Slovenija in sosednje dežele med antiko in karolinško dobo. Začetki slovenske etnogeneze = Slowenien und die Nachbarländer zwischen Antike und karolingischer Epoche. Anfänge der slowenischen Ethnogenese*, Situla 39, Ljubljana, 2000, 549–558.
- Lošek, Fritz. *Die Conversio Bagoariorum et Carantanorum und der Brief des Erzbischofs Theotmar von Salzburg*. (Monumenta Germaniae Historica. Studien und Texte 15). Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1997. 184 str.
- Lošek, Fritz. Salzburg als Zentrum der frühmittelalterlichen lateinischen Literatur, in Bratož, Rajko (ed.). *Slovenija in sosednje dežele med antiko in karolinško dobo: začetki slovenske etnogeneze*. (Situla 39; Razprave I. razreda Slovenske akademije znanosti in umetnosti 18). Ljubljana: Narodni muzej Slovenije; Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 2000. S. 731–748.
- Losert, Hans. Zur Deutung der Brandgräber in einigen merowingerzeitlichen Friedhöfen Mittel- und Unterfrankens. – *Die Welt der Slaven*. 1991. Bd. 36. N.F. 15. S. 365–392.
- Losert, Hans. Die slawische Besiedlung Nordostbayerns aus archäologischer Sicht, in *Vorträge. Niederbayerischer Archäologentag*. 1993. Bd. 11. S. 207–270.
- Losert, Hans. *Moinivindi, Radanzvindi und Nabavinida*. Geschichte und Archäologie der Slawen in Bayern, in Biermann, Felix; Kersting, Thomas; Klammt, Anne (ed.). *Siedlungsstrukturen und Burgen im westslawischen Raum*. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. 2009. Bd. 52. Langenweissbach. S. 219–294.
- Losert, Hans; Pleterski, Andrej. *Altenerding in Oberbayern: Struktur des frühmittelalterlichen Gräberfeldes und «Ethnogenese» der Bajuwaren*. Berlin: Scriptor-Verlag; Ljubljana: Založba ZRC, 2003. 684 str.
- Meier, John. *Der Brautstein. Frauen, Steine und Hochzeitsbräuche*. – Bern: Edition Amalia, 1996. 158 s.
- Pleterski, Andrej. Sebenski zaklad, in *Arheološki vestnik*. 1987. Letnik 38. S. 237–330.
- Pleterski, Andrej. The trinity concept in the Slavonic ideological system and the Slavonic spatial measurement system, in *Światowit*. 1995. Vol. 40. S. 113–143.
- Pleterski, Andrej. Arheologija in nastanek Brižinskih spomenikov, in Janko Kos et alii (ed.) *Zbornik Brižinski spomeniki*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1996. S. 27–42.
- Pleterski, Andrej. *Mitska stvarnost koroških knežjih kamnov*. (Zbirka Zgodovinskega časopisa, 17). Ljubljana: Zveza zgodovinskih društev Slovenije in ZRC SAZU, 1997. 58 str.
- Pleterski, Andrej. Die Kärntner Fürstensteine in der Struktur dreier Kultstätten, in Huber, Axel (ed.) *Der Kärntner Fürstenstein im Europäischen Vergleich: Tagungsbericht Symposium Gmünd 20. bis 22. September 1996*. Gmünd: Axel Huber, 1997. S. 43–119.
- Pleterski, Andrej. Lepi, grdi, zli: o metodah, Liburniji, Karantaniji, vojvodskem stolu, Konverziji in Brižinskih spomenikih, in *Zgodovinski časopis*. 1998. Letnik 52. S. 215–277.
- Pleterski, Andrej. Die altslawische župa – der Staat vor dem Frühstaat, in Kóčka-Krenz, Hanna; Łosiński, Władysław (ed.) *Kraje słowiańskie w wiekach średnich: profanum i sacrum*. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 1998. S. 79–81.
- Pleterski, Andrej. Sclavinia und Germania – Brezefibeln und Töpfe, in Ericsson, Ingolf; Losert, Hans (ed.). *Aspekte der Archäologie des Mittelalters und der Neuzeit: Festschrift für Walter Sage* (Bamberger Schriften zur Archäologie des Mittelalters und der Neuzeit. Bd. 1). Bonn, 2003. S. 363–372.
- Pleterski, Andrej. Spuren slawischer Fürstentümer im Ostalpenraum / Sledovi slovanskih kneževin v vzhodnih Alpah, in Baier, Wilhelm Richard; Kramer, Diether (ed.). *Karantainen, Mutter von Kärnten und Steiermark. Studia Carinthiaca*. 2003. Vol. XXII. S. 25–36.
- Pleterski, Andrej. *Kuhinjska kultura v zgodnjem srednjem veku / Küchenkultur im Frühen Mittelalter*. Ljubljana: Založba ZRC, 2008. 162 str.
- Pleterski, Andrej. *Zgodnesrednjeveška naselbina na Blejski Pristavi. Najdbe*. (Opera Instituti archaeologici Sloveniae 14). Ljubljana: Založba ZRC, 2008. 274 str.
- Pleterski, Andrej. O The Making of the Slavs iznutri, in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. Vol. 2(4). S. 33–36.
- Pleterski, Andrej. *Zgodnesrednjeveška naselbina na blejski Pristavi. Tafonomija, predmeti in čas*. (Opera Instituti archaeologici Sloveniae 19). Ljubljana: Založba ZRC, 2010. 261 str.

- Pleterski, Andrej 2011, *Nevidna srednjeveška Evropa : Župa Bled*. – Dela Inštituta za arheologijo 1, Ljubljana: Založba ZRC, 174 str. http://iza.zrc-sazu.si/Si/Dela/Zupa_Bled.pdf.
- Profantová, Naďa. Chronologie osídlení areálu v historických souvislostech, in *Počátky raného středověku v Čechách. Archeologický výzkum sídelní aglomerace kultury pražského typu v Roztokách*. Praha, 2005. S. 208–225.
- Propp, Vladimir Jakovljevič. *Historijski korijeni bajke*. (Biblioteka raskršća). Sarajevo: Svjetlost, 1990. 552 s.
- Šantek, Goran Pavel. *Anthropos religiosus. Antropološko-religijski ogledi*. Zagreb: Ibis grafika, 2011. 118 s.
- Schnizer, Andreas. *Die Karantanenmission — ein Rekonstruktionsversuch*. Diplomarbeit, Wien: Universität Wien, Katholisch-Theologische Fakultät, 1997. 118 s.
- Smiljanić, Franjo. *Studije o srednjovjekovnim slavenskim / hrvatskim institucijama*. (Posebna izdanja Odjela za povijest Sveučilišta u Zadru, Knjiga 3). Zadar: Sveučilište u Zadru, Odjel za povijest, 2010. 144 str.
- Snoj, Marko. *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Založba Mladinska knjiga, 1997. 900 s.
- Škrubel, Katja. *Ritus gentis Slovanov v vzhodnih Alpah. Model rekonstrukcije pravnih razmerij na podlagi najstarejšega jezikovnega gradiva*. Ljubljana: Založba ZRC, 2002. 248 s.
- Šribar, Vinko. *Blejski otok – oris zgodovine*. Bled: Zavod za pospeševanje turizma na Bledu, 1971. 48 s.
- Štih, Peter. Kranjska (Carniola) v zgodnjem srednjem veku, in *Zbornik Brižinski spomeniki*. Ljubljana, 1996. S. 13–26.
- Štih, Peter. O modernem (ne)razumevanju in (ne)poznavanju stare zgodovine na primeru ustoličevanja koroških vojvod, in Nećak, Dušan (ed.) *Stiploškov zbornik* (Historia 10). Ljubljana, 2005. S. 33–42.
- Štih, Peter. Slovansko, alpskoslovansko ali slovensko? O jeziku slovanskih prebivalcev prostora med Donavo in Jadranom v srednjem veku (pogled zgodovinarja), in *Zgodovinski časopis*. 2011. Letnik 65. S. 8–51.
- Štular, Benjamin. *Mali grad: visokosrednjeveški grad v Kamniku – Mali grad: high medieval castlein Kamnik. – Opera Instituti archaeologici Sloveniae 15*, Ljubljana: Založba ZRC, 2009. 253 str.
- Toporov, Vladimir Nikolaevič. *Predzgodovina književnosti pri Slovanih, poskus rekonstrukcije*. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta, Oddelek za etnologijo in kulturno antropologijo, 2002 (Zupaničeva knjižnica 9). 158 str.
- Tovornik, Vlasta. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Gusen und Auhof bei Perg in Oberösterreich. Teil I: Gusen, in *Archaeologia Austriaca*. 1985. Bd. 69. S. 165–250.
- Tovornik, Vlasta. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Gusen und Auhof bei Perg in Oberösterreich. Teil 2: Gusen, in *Archaeologia Austriaca*. 1986. Bd. 70. S. 413–484.
- Třeštík, Dušan. *Mýty kmene Čechů (7.–10. století). Tři studie ke «starým pověstem Českým»*. Praha: Lidové Noviny, 2003. 291 str.
- Vansina, Jan. *Oral tradition as history*. London: Currey, Nairobi: Heinemann Kenya, 1985. 258 s.
- Vilfan, Sergij. Kmečko prebivalstvo po osebnem položaju, in *Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev. Zgodovina agrarnih panog. Zv. II*. Ljubljana, 1980. S. 279–353.
- Vilfan, Sergij. Soseske in druge podeželske skupnosti, in in *Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev. Zgodovina agrarnih panog. Zv. II*. Ljubljana, 1980. S. 9–74.
- Vinšćak, Tomo. *Tibetski buddhizam i bön*. Zagreb: Ibis grafika, 2011. 140 s.
- Schlesinger, Walter. Burg und Stadt, in *Aus Verfassungsgeschichte und Landesgeschichte. Festschrift für Thomas Mayer*. Konstanz, 1954. S. 97–150.
- Wolfram, Herwig. Baiern und das Frankenreich, in Dannheimer, Hermann; Dopsch, Heinz (ed.) *Die Bajuwaren. Von Severin bis Tassilo 488–788*. München, 1988. S. 130–135.
- Wolfram, Herwig. *Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Das Weißbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien*. (Dela I. razreda Slovenske akademije znanosti in umetnosti 38; Zbirka Zgodovinskega časopisa 44). Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti; Zveza zgodovinskih društev Slovenije, 2012. 419 str.